

А. И. ОДОЕВСКИЙ

О ТРАГЕДИИ «ВЕНЦЕСЛАВ», СОЧ. РОТРУ, ПЕРЕДЕЛАННОЙ ЖАНДРОМ

Высокая пиитическая простота доставила трагедии «Венцеслав» заслуженное бессмертие. По общему и короткому нашему знакомству с французскою словесностью считаю за бесполезное подтверждать изложенное суждение доводами из Аристархов¹; Жоффруа, всегда готовый к опровержению мнений Лагарпа, подобно ему, отзывается о «Венцеславе» с похвалою: одни только неоспоримые истины могли вынудить единодушие двух людей совершенно противного образа мыслей². Впрочем ученик Фрерона³ поставил себе за правило в журнальной своей драматургии какое-то бесстрашие, столь же мало нравственное, как и мало драматическое. И он и Лагарп судят о убийстве сына Венцеславова, как присяжные. Но кто теперь не перестает им верить? Когда сии судьи, более превозносимые в России, нежели во Франции, не ограничиваются разбором подробностей, но произносят приговор над изобретением и духом и объемом творения, то их образ мыслей удовлетворяет только самых суетных светских людей, хитро заменяющих книги — каталогами. Но вообще оба они отдают полную справедливость жару, силе, истине диалога, хотя местами испещренного игрою слов и антитезами. В сих

суждениях были они отголосками общего мнения, утвержденного двумя столетиями и оправдывающего в полной мере выбор русского стихотворца.

Некстати было бы произнести и самое справедливое суждение о труде прекрасном, но еще недовершенном. Мы ничего не смеем сказать утвердительного о многих переменах в ходе трагедии. Г-н Жандр, соблюдая всю свежесть подлинника, заменяет недостатки красотами и оживляет целое новою творческою силою. Владислав под пером нашего поэта изменился в очертании прежнего своего характера и внушает к себе не только сожаление, но любовь: лучшее оправдание развязки! Словом, русский стихотворец заимствует изящное столь же непринужденно и потому с таким же правом, как и сам Ротру присвоил себе труд испанского автора Францеско де Роккас.

Одно только первое действие помещено в «Русской талии». Здесь подлинник остался почти неизменным; но и тут найдут важную перемену. Самый смелый, вольный метр заступил место натянутого и надутого шестистопного стиха ямбического, которым никто из наших стихотворцев не владел и не владеет совершенно. Литераторы, одаренные здравым вкусом, никогда не почитали сей меры приличною для трагедии. Это стихосложение привилось к нам от французов, как самое близкое к их александрийским стихам. Немцы давно перестали подражать оным и смеются над Готшедом⁴. Англичане никогда не подражали. Альфиери писал белыми стихами (sciolti), которые в самом деле необходимы в трагедии для изложения сильных чувств во всей их обнаженной простоте.

У французов трагедия редко согласна с природою не только от слишком робкого наблюдения условий, сего неисчерпаемого источника кудрявых изречений, но также и от самой вещественной части их стихотворства. Два полустишия, равные величиною, естественно, способствуют противоположности двух понятий, и потому столь же много антитезов во французских трагедиях, как и в надгробных речах проповедника Флешье⁵. Сами французы негодуют на свой метр.

. Cette loi si dure
Qui veut qu'avec six pieds d'une égale mesure,
De deux alexandrins, côte à côte marchants,
L'un serve pour la rime, et l'autre pour le sens *⁶.

* Вольтер к императору китайскому.

Это так справедливо, что иногда угадываешь по рифме смысл следующего стиха.

Французы имеют еще ту особенность, что у них стихосложение силлабическое и что ударения падают неопределенно. У нас же шесть тяжелых ямбов, худо заменяемых *пиррихиями*, тащатся друг за другом и бьют молотом в слух. Неужели наш русский язык, и звучный и мужественный, будет вечно заключен в сей тесной однообразной оболочке для выражения самых пламенных порывов? *Тесной* не для одного отдельного счастливого изречения, но для полноты чувств и для непрерывной связи мыслей.

Все известные метры, кроме ямбического, — слишком плясовые, не свойственны трагедии, где поэзия облекается в язык разговорный. Итак, сохраняя обыкновенное наше стопосложение, должно искать возможного разнообразия. Вот опыт. Остается решить, успешен ли?

Многие ищут в стихотворении не поэзии, но заметных стихов; восхищаются, когда поэт стройностию целого жертвует мысли отдельной, часто блестящей от одной расстановки понятий и мнимо нравоучительной. Кто, за исключением высокого и прекрасного, — источников истинной нравственности, — требует от *сцены обыкновенной опытной морали*, тот пускай старается по крайней мере, почерпать ее из самого происшествия драматического. Французам (и все французам!) одолжены мы желанием слышать в театре голос Рошфуко⁷. Страсти ли выражаются общими правилами? Напротив, они только к одному стремятся, и все прочее для них не существует.

В быстром их течении, в истинной трагедии, мысль за мыслью, чувство за чувством летят, теснятся в душе, исторгаются из уст или в одном, всеобъемлющем слове, или в пылких пиитических оборотах. Метр, избранный г-м Жандаром, весьма способствует их непринужденности. В сем стихосложении поэзия может попеременно являться со всею красотою природы или скрывать себя под легкою и прозрачною пеленою. Оно в своей свободе имеет уже и то преимущество, что принуждает поэта не только к сладкозвучному падению периодов, но и к музыкальной ответственности между смыслом и размером: правило истинного стихотворства, постигаемое одним только чувством и требующее в исполнении — самых тонких оттенков! Иногда рифмы нечаянно ложатся под перо г-на Жандра и тогда производят на слух приятное действие своею вне-

запностью. Они рождаются так естественно, что выражение без них, кажется, лишилось бы всей своей прелести. Но когда строгие истины льются из уст поэта, то он откладывает сие созвучие, как бесполезное украшение, и стих его, обыкновенно пятистопный, вообще в объеме своем следует за мыслью. В заключение скажем, что полезны не только нововведения, которым общие мнения благоприятствуют, но самые опыты приносят истинную пользу, когда оные клонятся к избавлению от излишних уз, не касаясь коренных законов природы и искусства.

А. И. ОДОЕВСКИЙ

Александр Иванович Одоевский (1802—1839) — поэт-декабрист. В начале 1825 года вступил в Северное общество и примкнул к его радикальному крылу. Одоевский участвовал в восстании 14 декабря, приговорен к двенадцати годам каторги, которую отбывал в Чите и Петровском остроге. Позднее он был переведен на поселение, откуда его отправили⁹ рядовым на Кавказ. Юношеские стихи Одоевского до нас почти не дошли, но после 1825 года он создал произведения, которые сделали его самым популярным и самым крупным поэтом декабристской каторги. Как известно, именно Одоевскому принадлежит знаменитый «Ответ на послание А. С. Пушкина» (1827). Литературно-критическое наследие Одоевского очень невелико. Наиболее значительная и интересная его часть — статья, включенная в данный сборник.

О ТРАГЕДИИ «ВЕНЦЕСЛАВ», СОЧ. РОТРУ, ПЕРЕДЕЛАННОЙ ЖАНДРОМ

Впервые — «Сын отечества», 1825, № 1, ч. 99, с. 100—105.

Принадлежность статьи А. И. Одоевскому устанавливается указанием В. К. Кюхельбекера (см. его «Дневник», Л., 1929, с. 150). В собрания сочинений Одоевского включается с 1893 года. Трагедия «Венцеслав» (1648), принадлежащая французскому драматургу Ж. Ротру, переведена на русский язык А. А. Жандром, с которым Одоевский находился в дружеских отношениях. Антимонархический

характер пьесы обусловил запрещение ее цензурой. Это же привлекло к ней внимание декабристских кругов. Новаторство и мастерство перевода отмечали, наряду с Одоевским, Пушкин, Бестужев, Грибоедов.

¹ *Аристарх* — греческий грамматик II в. до н. э., имя которого стало нарицательным для обозначения критика-педанта.

² Ж.-Л. *Жоффруа* — французский театральный критик, высоко оценивший трагедию Ротру в своем «Курсе драматической литературы». Ж.-Ф. *Лагарп*, французский драматург и теоретик литературы, подробно анализировал пьесу Ротру в своем многотомном произведении «Лицеи...» («Lycées...») (t. 1—16, 1799—1805).

³ Э. *Фрерон* — французский писатель, известный беспринципными нападениями на Вольтера, Руссо, энциклопедистов. Его имя стало нарицательным. Так, В. Л. Пушкин называл Фрероном Каченовского, Баратынский говорил о критиках статьи Кюхельбекера «О направлении нашей словесности, особенно лирической, в последнее десятилетие» как о «наших Фреронах» и т. д. Под учеником *Фрерона* Одоевский подразумевает Жоффруа, который был противником Вольтера.

⁴ И.-Х. *Готшед* — немецкий критик и эстетик, сторонник классицизма.

⁵ Э. *Флешье* — французский проповедник, прославившийся надгробными речами. Они переводились на русский язык и в 1824 г. вышли отдельной книгой.

⁶ Цитируется литературная сатира Вольтера «Послание к китайскому императору» («Épître au roi de la Chine, sur son recueil de vers qu'il fait imprimer», 1771). Первая приводимая строка полностью звучит так: «Ton peuple est-il soumis à cette loi si dure». Перевод: «Подчинен ли твой народ этому столь строгому закону, который требует, чтобы из двух александрийских стихов по шесть стоп равной меры, следующих попарно рядом, один служил бы для рифмы, а другой для смысла?»

⁷ *Рошфуко* (Ф. Ларошфуко) — французский писатель, моралист, автор известной книги «Размышления, или Моральные изречения и максимы» (1665 г., русский перевод — 1959 г.).